

Сборник Отч. рус. яз. и словесности

Имп. Акад. Наук, т. XLVI, 1888, СПб.

Мас. № 9757

46

ОТЧЕТЪ О ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ Пушкинских
премій

II.

Въ Сумеркахъ. Разказы и очерки Н. Чехова. Спб. 1887 г.
(Разборъ А. О. Бычкова).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали появляться въ разныхъ ежедневныхъ газетахъ небольшіе разказы г. Чехова, предметомъ для которыхъ служили явленія обыденной жизни. Эти разказы, несмотря на то, что паскоро читались в быстро была позабываемы, тѣмъ не менѣе обнаруживали въ авторѣ и наблюдательность и умѣнье живо и естественно передавать подмѣченное, почти исключительно впрочемъ съ цѣлью вызвать улыбку въ читателѣ. Въ 1886 году вышли въ свѣтъ его «Пестрые разказы». Книга подъ этимъ заглавіемъ содержала въ себѣ разказы и очерки, частію уже напечатанные, частію новыя, въ числѣ которыхъ было нѣсколько очень милыхъ, обратившихъ на себя общее вниманіе. Съ этого времени критики начали усматривать въ г. Чеховѣ большой талантъ. Въ слѣдующемъ 1887 г. явился новый сборникъ г. Чехова, носящій заглавіе: «Въ сумеркахъ. Разказы и очерки». О достоинствѣ разказовъ, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, мнѣ предстоитъ дать отчетъ. Всѣхъ разказовъ помѣщено въ книгѣ 16-ть. Они, какъ и прежніе, небольшого объема и въ нихъ точно такъ же виденъ несомнѣнный талантъ въ изображеніи картинъ природы и бытовыхъ сценъ, а иногда даже въ художественной выдержанности характеровъ дѣйствующихъ лицъ, замѣчается искусство нерѣдко одной чертою дополнить картину, сообщить читателю то, что происходило между дѣйствующими лицами ранѣе того момента, о которомъ идетъ рѣчь. Но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что дарованіе автора употреблено на такіе незначительныя вещицы, которыя болѣе

Напечатано по расч. Имп. Акад. Наук. Спб., октябрь 1888 г.

Книга, утверждена присуд. Пушкинских премій 1888 г. с. экземплярное Чехова изъ б. с. б. к. (Д. М.).

или менѣе носятъ слѣды случайности, въ которыхъ чувствуется, что онъ передаетъ то, что попало ему на глаза, что остановило его вниманіе въ разсказѣ того или другого лица.

Лучшіе по достоинству изъ разсказовъ тѣ, которые имѣютъ сравнительно большій объемъ, именно: «Вѣрочка», «Несчастье», «Агабья» и «Святою ночью».

Содержаніе разсказа «Вѣрочка» самое обыкновенное, весьма часто повторяющееся въ жизни. Молодая дѣвушка Вѣра Гавриловна Кузнецова, дочь предсѣдателя земской управы, человѣка пожилыхъ лѣтъ, полюбила Ивана Александровича Огнева, прѣхавшаго въ одинъ изъ нашихъ глухихъ уѣздовъ для собранія статистическихъ свѣдѣній. Огневъ во все время своей командировки и дневалъ и ночевалъ въ усадьбѣ Кузнецова, нерѣдко бесѣдовалъ и совершалъ прогулки съ Вѣрой Гавриловной, не оказывая ей особеннаго вниманія, а между тѣмъ чувство любви къ нему не только заронилось въ грудь дѣвушки, но и постепенно разрасталось, хотя оно съ ея стороны не было ничѣмъ обнаруживаемо. Наконецъ наступило время Огневу разстаться съ гостеприимнымъ кровомъ, и вотъ въ послѣднія минуты его пребывания въ усадьбѣ совершенно неожиданно для него разыгралась исторія. Онъ уже простился съ старикомъ и направился въ городъ, какъ у садовой калитки повстрѣчался съ Вѣрою Гавриловною. «Они пошли по дорогѣ. Деревья не заслоняли простора и можно было видѣть небо и даль. Точно прикрытая вуалью, вся природа пряталась за прозрачную матовую дымку, сквозь которую весело смотрѣла ея красота; туманъ, что погуще и поблѣже, неравномѣрно ложился около копенъ и кустовъ, или ключьями бродилъ черезъ дорогу, жался къ землѣ и какъ будто старался не заслонять собой простора. Сквозь дымку видна была вся дорога до лѣса съ темными канавами по бокамъ и съ мелкими кустами, которые росли въ канавахъ и мѣшали бродить туманнымъ ключьямъ. Въ полуверстѣ отъ калитки темнѣла полоса кузнецовскаго лѣса». Долго шли молодые люди молча, если не считать незначительныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, которыми они перебрасы-

вались. Наконецъ они дошли до небольшого узкаго мостика, который находился въ 20 шагахъ отъ лѣса.

«Ну, вотъ и мостикъ! сказалъ Огневъ. Тутъ вамъ поворачивать назадъ... Вѣра остановилась и перевела духъ.

— Давайте посидимъ, сказала она, садясь на одинъ изъ столбиковъ. — Передъ отъѣздомъ, когда прощаются, обыкновенно всѣ садятся.

Огневъ примостился возлѣ нея на своей вязкѣ книгѣ и продолжалъ говорить. Своими участливыми вопросами о состояніи ея здоровья и о причинѣ грусти, видимой на ея лицѣ, Огневъ вызвалъ въ дѣвушкѣ признаніе, что она его любитъ. «Я... я люблю васъ!» и полилась неудержимымъ потокомъ ея горячая рѣчь, такъ долго таившаяся въ умѣ и сердцѣ; а онъ, сдержанный и холодный, нисколько не ожидавшій признаній, полный страха, чтобы не увлечься дѣвушкой, въ отвѣтъ на ея слова забормоталъ: «Я, Вѣра Гавриловна, очень благодаренъ вамъ, хотя чувствую, что ничѣмъ не заслужилъ такого... съ вашей стороны... чувства. Во-вторыхъ, какъ честный человѣкъ, я долженъ сказать, что... счастье основано на равновѣсіи, то-есть когда обѣ стороны ...одинаково любятъ... «Я васъ настолько уважаю, что... мнѣ больно!»

Этого было достаточно для дѣвушки; она сразу поняла, что въ избранникѣ ея сердца нѣтъ ни искры любви къ ней — и всѣ мечты ея мгновенно разлеглись. Вѣра стала вдругъ серьезной, поблѣднѣла, поникла головой, рѣзко повернулась и быстро пошла назадъ къ усадьбѣ.

Огневъ послѣдовалъ за нею; на всѣ его жалкія слова она отвѣчала молчаніемъ, и только у калитки она мелькомъ взглянула на него и, согнувшись, кутаясь въ платокъ, быстро пошла по аллеѣ.

А Огневъ постарался убѣдить себя, что нельзя же насильно полюбить, и только тогда, «когда скрылась Вѣра, ему стало казаться, что онъ потерялъ что-то очень дорогое, близкое, чего уже не найти ему. Онъ чувствовалъ, что съ Вѣрой ускользнула

отъ него часть его молодости и что минуты, которыя онъ такъ безплодно пережилъ, уже болѣе не повторятся».

Но этотъ проблескъ чувства у Огнева продолжался не долго; его быстро смѣнила себялюбивая разсудительность и, отыскивая причину своей холодности къ дѣвушкамъ, онъ незамѣтно дошелъ до города. «Войдя къ себѣ въ комнату, Иванъ Александровичъ опустился на постель и долго, долго глядѣлъ на огонь, потомъ встряхнулъ головой и сталъ укладываться». Вотъ сжатое содержаніе разсказа, изложеннаго авторомъ просто, тепло и психологически вѣрно: онъ сумѣлъ проникнуть въ тайникъ душевныхъ движеній двухъ выведенныхъ имъ дѣйствующихъ лицъ, и надо признаться съ большимъ искусствомъ и въ высшей степени правдоподобно — а въ этомъ заключается мастерство художника — вообразилъ борьбу, которая происходила въ душѣ дѣвушки, пока она не произнесла роковыхъ для нея словъ: «я васъ люблю».

Глинистѣе въ чемъ можно упрекнуть автора, такъ это въ томъ, что онъ совершенно не коснулся отношеній Огнева къ Маріѣ Гавриловнѣ, предшествовавшихъ ея призванію, которое такимъ образомъ является совершенною неожиданностію. Вслѣдствіе этого и весь разсказъ представляется эпизодомъ, замечательнымъ изъ плѣтой бытовой эпопеи, къ которому какъ-то искусственно приставлено вступленіе.

Къ числу удачныхъ психологическихъ этюдовъ можно также причислить «Несчастье». Главными дѣйствующими лицами въ немъ являются Софья Петровна Лубянцева, молодая красивая женщина, и присяжный повѣренный Ильинъ, старинный ея пріятель и соседъ по дачѣ. Ильинъ упорно ухаживаетъ за Лубянцовой: она проситъ его оставить ее въ покоѣ, проситъ остаться друзьями: но все ея доводы, все ея просьбы ни къ чему не приводятъ. Мало по малу Лубянцева, незамѣтно для себя самой, увлекается Ильинимъ, но, желая остаться вѣрною и доброю матерью, шлетъ оныри у мужа, но ее не находятъ. Такимъ образомъ послѣдняя ея надежда рушилась, и она подъ влияніемъ страсти вышла изъ дома. Непреодолимая сила гнала ее, она за-

дыхалась, сгорала отъ стыда, но то, что толкало ее впередъ, было сильнѣе и стыда ея, и разума, и страха. Ростъ страсти Лубявцовой къ Ильину, борьба между долгомъ и увлеченіемъ подмѣчены и переданы весьма вѣрно.

Нѣжная задушевность и особенная теплота чувства замѣчаются въ разсказѣ «Святою ночью». Содержаніе его не сложно, просто и состоитъ болѣе въ описаніи чѣмъ въ дѣйствіи. Авторъ пожелалъ переправиться черезъ рѣку Голтву въ монастырь, чтобы присутствовать при торжественномъ богослуженіи въ день Пасхи. При переѣздѣ на поромѣ черезъ рѣку, авторъ вступилъ въ разговоръ съ послушникомъ Иеронимомъ, на котораго возложена обязанность перевозчика. Иеронимъ между прочимъ сообщилъ о смерти іеродіакона Николая и въ грустномъ настроеніи отъ этой потери вспоминаетъ съ особенною любовію объ его прекрасныхъ качествахъ и добромъ сердцѣ. Въ числѣ другихъ качествъ покойникъ имѣлъ даръ писать акаѳисты, и въ доказательство этого и трудности ихъ составленія Иеронимъ приводитъ нѣсколько примѣровъ. «Нужно, чтобъ все было стройно, кратко и обстоятельно, говорилъ Иеронимъ. Надо, чтобъ въ каждой строчкѣ была мягкость, ласковость и нѣжность, чтобъ ни одного слова не было грубаго, жесткаго или несоотвѣтствующаго. Такъ надо писать, чтобъ молящійся сердцемъ радовался и плакалъ, а умомъ содрогался и въ трепетъ приходилъ. Въ Богородичномъ акаѳистѣ есть слова: «Радуйся, высоту неудобовосходимая человѣческими помысли; радуйся, глубину неудобозримая и ангельскими очима!» Въ другомъ мѣстѣ того же акаѳиста сказано: «Радуйся, древо свѣтло плодовитое, отъ него же питаются вѣрніи; радуйся, древо благосѣннолиственное, имъ же покрываются мнози! Древо свѣтлоплодовитое... древо благосѣннолиственное»... Найдеть же такія слова! Дастъ же Господь такую способность! Для краткости много словъ и мыслей пригонитъ въ одно слово, и какъ это у него все выходитъ плавно и обстоятельно! «Свѣтоподательна свѣтильника сущимъ»... сказалъ въ акаѳистѣ къ Іисусу Сладчайшему. Свѣтоподательна! Слова та-

кого нѣтъ ни въ разговорѣ, ни въ книгахъ, а вѣдь придумалъ же его, нашелъ въ умѣ своемъ!» Никто, надѣюсь, не станетъ отрицать, что такова и должна была быть рѣчь у послушника, проникнутаго благоговѣніемъ къ составителю акаѳистовъ. Изъ этого же разсказа приведу прекрасное описаніе Голтвы и ночи на Великій день: «Въ обыкновенное время Голтва представляетъ изъ себя рѣченку средней руки, молчаливую и задумчивую, кротко блистающую изъ-за густыхъ камышей, теперь же предомной разстпалось цѣлое озеро. Разгулявшаяся вешняя вода перешагнула оба берега и далеко затопила оба побережья, захвативъ огороды, сѣнокосы и болота, такъ что на водной поверхности не рѣдкость было встрѣтить одиноко торчащіе тополи и кусты, нохожіе въ потемкахъ на суровые утесы».

«Было темно... Міръ освѣщался звѣздами, которыя вплошную усыпали все небо. Не помню, когда въ другое время я видѣлъ столько звѣздъ. Ради праздничнаго наряда вышли онѣ на небо всѣ до одной, отъ мала до велика, умытыя, обновленныя, радостныя, и всѣ до одной тихо шевелили своими лучами. Небо отражалось въ водѣ, звѣзды купались въ темной глубинѣ и дрожали вмѣстѣ съ легкой зыбью. Въ воздухѣ было тепло и тихо».

Не дурны также слѣдующіе разсказы, находящіеся въ разсматриваемомъ сборникѣ: «Мечты», въ которомъ дѣйствующими лицами являются не помнящій родства бродяга и двое сотскихъ его сопровождающихъ; «На судѣ» — вѣрный списокъ съ дѣйствительности, къ сожалѣнію какъ-то круто обрывающійся; «Кошмаръ», въ которомъ весьма рельефно очерчена фигура отца Якова, занимающаго мѣсто въ бѣдномъ приходѣ, едва доставляющемъ ему средства, чтобы не умереть съ голода. Находясь въ постоянной борьбѣ съ нуждою, отецъ Яковъ равнодушно выслушиваетъ предложеніе Купина, молодаго человѣка, вернувшагося изъ Петербурга въ свое Борисово, относительно заведенія церковно-приходской школы, является растеряннымъ отъ желанія скрыть свою бѣдность и вслѣдствіе этого едва не лишается мѣста и черстваго куска хлѣба.

Менѣе удачны рассказы: «Пустой случай», «Событіе» и «Вѣдьма». Въ этомъ послѣднемъ изображена неприглядная жизнь молодой дьячихи, которую мужъ считаетъ за вѣдьму, чѣмъ и объясняетъ поднявшуюся выюгу и прїѣздъ на почлегъ сбившейся съ дороги почты, сопровождаемой почталіономъ, радушно принятымъ дьячихой.

Подведу итогъ всему сказанному. Книга подъ заглавіемъ «В сумеркахъ» свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ талантѣ г. Чехова; въ рассказахъ, въ ней помѣщенныхъ, много наблюдательности и искренности; выведенныя въ нихъ лица отличаются жизненною правдою; встрѣчаются между рассказами художественно исполненныя, но также дѣланые и придуманные («Вѣдьма»), растянутые («Простой случай») и безсодержательные («Событіе»); языкъ живой и правильный, хотя иногда попадаются неточныя и неправильныя выраженія, какъ напримѣръ: на травѣ вспять тускляя, недобрыя слезы (стр. 3), прекрасно спмульвовалъ влюбленнаго (стр. 23), гдѣ быя могъ сгодиться (стр. 25), и утеряеть для него навсегда свое реальное значеніе (стр. 83), внутри все сарайно (стр. 103), такова ужъ планка русскаго лица (стр. 134), когда я подъ столомъ пѣшкомъ ходилъ (стр. 146), большая шестиглавая церковь съ поржавленной крышей (стр. 163) и др.

Выше я привелъ нѣсколько прелестныхъ описаній природы; позволяю себѣ присоединить къ нимъ, въ доказательство умѣнья Чехова живописать природу и подмѣчать въ ней разнообразіе явленій, другое описаніе тумана изъ рассказа «Мечты».

«Путники давно уже идутъ, но никакъ не могутъ сойти съ небольшого клочка земли. Впереди ихъ сажень пять грязной, чернобурой дороги, позади столько же, а дальше, куда ни взглянешь, непроглядная стѣна бѣлаго тумана. Они идутъ, идутъ, но земля все та же, стѣна не ближе, и клочокъ остается клочкомъ. Мелькнетъ бѣлый, угловатый будыльникъ, буеракъ или охапка стѣна, оброненная проѣзжимъ, блеснетъ не надолго большая мутная лужа, а то вдругъ неожиданно впереди покажется тѣнь съ

неопредѣленными очертаніями; чѣмъ ближе къ ней, тѣмъ она меньше и темнѣе, еще ближе — и передъ путниками вырастаетъ погнувшійся верстовой столбъ съ потертой цифрой, или же жалкая березка, мокрая, голая, какъ придорожный нищій. Березка пролепечетъ что-то остатками своихъ желтыхъ листьевъ, одинъ листокъ сорвется и лѣниво полетитъ къ землѣ... А тамъ опять туманъ, грязь, бурая трава по краямъ дороги».

Принимая во вниманіе достоинства сборника рассказовъ г. Чехова, подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ», я, несмотря на нѣкоторые въ нихъ недостатки, мною указанные, считаю его заслуживающимъ почетнаго отзыва и даже поощрительной преміи, если этому не будетъ препятствовать пунктъ б § 9 Правилъ.

Комиссія, усматривая изъ этой рецензіи, что рассказы г. Чехова, хотя и не вполне удовлетворяютъ требованіямъ высшей художественной критики, представляютъ однакоже выдающееся явленіе въ нашей современной беллетристической литературѣ, позволяющее надѣяться, что авторъ въ дальнѣйшемъ развитіи своего таланта сумѣетъ избѣжать отчужденныхъ въ его трудѣ слабыхъ сторонъ, — нашла возможнымъ присудить ему половинную Пушкинскую премію.

III.

Тартюфъ. Комедія Мольера. Переводъ въ стихахъ В. С. Лихачева. Сиб. 1887. (Разборъ Алексѣя Н. Веселовскаго).

Изъ всей группы важнѣйшихъ произведеній Мольера «Тартюфу» особенно посчастливилось въ русской литературѣ; переводы, подражанія и переложенія безостановочно слѣдуютъ одни за другими съ той поры, какъ этой пьесѣ пришлось украсить собой въ прошломъ столѣтіи (въ переводѣ Ивана Кропотова) репертуаръ только что зарождавшагося постояннаго русскаго театра. Одна изъ задачъ переводной работы, — ознакомленіе отечествен-